

ников, отражающих нормы живой русской речи»⁵. Пожелание А. Б. Шапиро, чтобы в дальнейшем появились труды, в которых на основе описаний синтаксического строя значительного числа отдельных русских говоров было дано историческое освещение синтаксических явлений русских говоров, не могло быть осуществлено в широких масштабах в ближайшие годы.

Изучение синтаксиса территориальных диалектов отставало от изучения фонетики и морфологии, хотя и было опубликовано значительное число статей по описательному синтаксису русских диалектов, защищены диссертации.

Вот почему не только в первом издании своего учебника «Русская диалектология», вышедшем в 1951 г., но и во втором, изданном в 1954 г., и даже в третьем, появившемся значительно позже — в 1960 г., П. С. Кузнецов, выдающийся историк русского языка и диалектолог, имел полное основание начать главу «Синтаксис» следующим высказыванием: «В синтаксическом отношении русские говоры изучены меньше, чем в отношении фонетическом и морфологическом» (1-е издание — стр. 82, 2-е издание — стр. 94, 3-е издание — стр. 120).

Темпы накопления материалов по синтаксису говоров русского языка не обеспечивали и пока не обеспечивают разработку вопросов истории синтаксического строя русских говоров как целостной системы и тем самым не позволяют решить основные проблемы исторической диалектологии русского языка с учетом синтаксиса.

Вполне оправданным поэтому является отсутствие материала по синтаксису в интересной книге К. В. Горшковой «Историческая диалектология русского языка. Пособие для студентов». («Просвещение». М., 1972).

Поскольку статьи по синтаксису построены не по одному плану и авторы останавливались на том, что их в наибольшей степени интересовало или привлекло особенное внимание своим ярким «отклонением» от нормы литературного языка, сопоставить материалы статей бывает зачастую весьма затруднительно.

Значительно легче обобщить материал, полученный в виде ответов на поставленные в «Программе» собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» (издана в 1945 г. в г. Ярославле).

Основное внимание в этой «Программе» уделено фонетике, затем морфологии и лексике, меньше всего вопросов по синтаксису (23 из 294).

Ответы собирателей на вопросы «Программы» могут дать представление лишь о некоторых явлениях синтаксиса, но не о синтаксической системе говора обследованной местности.

Однако большая часть вопросов затрагивает важные, характерные для многих говоров синтаксические черты, при этом такие, которые получили отражение и в памятниках древнерусской и старорусской письменности.

Так, в числе вопросов имеется следующий: «Употребляется ли при инфинитиве существительное женского рода в именительном падеже вместо винительного?».

Материалы ответов на этот вопрос, интересовавший и ранее отечественных лингвистов, позволили с большей глубиной и более солидной аргументацией вести полемику о происхождении данной конструкции, ее распространении в прошлом и в настоящем⁶. Было опубликовано значительное число статей как диалектологами, так и историками языка. Не меньшее внимание диалектологов и историков языка привлек и вопрос об оборотах со страдательными причастиями на *-но*, *-то*.

⁵ Шапиро А. Б. Указ. соч., стр. 305.

⁶ Сводку различных мнений по данному вопросу и их обстоятельный анализ см.: Флиин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., «Наука», 1972, стр. 476—491.